

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.122.58>

КОНЦЕПТ ЛЕС В НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ НАДБЫТИЙНОСТИ
САКРАЛЬНОГО

Научная статья

Островская К.З.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-9151-8512;

¹ Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ya.xenija555[at]yandex.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена такому признаку сакрального, как надбытийность, и его влиянию на концепты в составе концептуального поля САКРАЛЬНОЕ в концептосфере народной волшебной сказки. Автор рассматривает характерные признаки надбытийности сакрального как феномена и выводит проистекающие из этого особенности сакрального как концептуального поля. В качестве примера экспликации надбытийности сакрального автор рассматривает репрезентацию концепта «лес» в русских, немецких и английских сказках. На основе анализа теоретических постулатов и примеров из сказок автор выводит особенности репрезентации концепта «лес», которые можно рассматривать как универсальные для сказочного дискурса на любом языке.

Ключевые слова: национальная концептосфера, концепт, сакральное, народная волшебная сказка, лес, надбытийность.

CONCEPT FOREST IN THE FOLK FAIRY TALE AS EXPLICATION OF THE SUPRA-EXISTENTIAL STATE OF
THE SACRED

Research article

Ostrovskaya K.Z.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-9151-8512;

¹ Don state agrarian university, Persianovsky, Russian Federation

* Corresponding author (ya.xenija555[at]yandex.ru)

Abstract

This article is devoted to such a sign of the sacred as supra-existence, and its influence on concepts as part of the conceptual field SACRED in the concept sphere of a folk fairy tale. The author examines the characteristic features of the supra-existence of the sacred as a phenomenon and derives the features of the sacred as a conceptual field arising from this. As an example of the explication of the supra-existence of the sacred, the author considers the representation of the concept "forest" in Russian, German, and English fairy tales. Based on the analysis of theoretical postulates and examples from fairy tales, the author deduces the features of the representation of the concept "forest", which can be considered as universal for fairy tale discourse in any language.

Keywords: national sphere of concepts, concept, sacred, folk fairy tale, forest, supra-existential state.

Введение

Сакральное (священное), лежащее в основе всех религиозных традиций и институций, представляло интерес для исследователей еще со времен античной философии. Однако если еще двести лет назад сакральное рассматривалось исключительно в рамках теософии, то в XX веке произошла некоторая «секуляризация» этого понятия — теперь о нем трактуют и такие дисциплины, как антропология, социология, философия, психология, теория литературы и искусства, лингвистика и многие другие. Разнообразие научно-исследовательских стратегий открывает множество возможностей для междисциплинарных и интердискурсивных контактов.

Одним из направлений исследования сакрального в последнее время становится анализ его экспликации в народных (волшебных) сказках, где сакральное становится воплощением представлений, составляющих основу национальной концептосферы, а именно, языковой, или «наивной» [1, С. 38] картины мира. Под наивными представлениями народа понимается «сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, <...> отражающая мировосприятие и миропонимание народа, зафиксированная в языке, ограниченная рамками консервативной культуры» [10, С. 208]. Такая картина мира складывалась под влиянием донаучных представлений об окружающей действительности, нашедших отражение в фольклоре, а сакральное как та область бытия и состояния сущего, которая воспринимается сознанием как нечто принципиально отличное от обыденной реальности [5], является стержнем такого пласта фольклора, как народная волшебная сказка. Занимая центральное место в концептосфере народной волшебной сказки, сакральное становится опорой для реализации как общечеловеческих, так и национально-специфических концептов. При этом сложный характер феномена сакрального обуславливает его экспликацию не в форме отдельного концепта, а в виде комплексного образования, представляющего собой концентрически-иерархическое соединение нескольких концептов, т. е. концептуальное поле (см, например, [9]). Все концепты в составе концептуального поля САКРАЛЬНОЕ подчинены определенным категориям, соответствующим признакам сакрального как феномена. Настоящая статья посвящена такому признаку сакрального, как

надбытийность, и его влиянию на концепты в составе концептуального поля САКРАЛЬНОЕ в концептосфере народной волшебной сказки (на примере концепта «лес»).

Основная часть

В мифологическом мышлении свойство сакральности могло принадлежать вещам, людям, пространствам или моментам времени — но никакая часть (профанной) реальности не являлась сакральной сама по себе, этим качеством ее наделяла некая «мистическая благодать» [6, С. 152]. При этом если сакральное представлялось как неисчерпаемый источник силы, то профанное — как среда приложения этой силы, подверженная энтропии. При этом характер этой силы остается непознаваемым, трудно управляемым и, следовательно, опасным. В латентном состоянии сакральное невозможно однозначно охарактеризовать как Добро или Зло, оно с равной степенью вероятности может как прийти на помощь тому, кто к нему взывает, так и привести к его поражению. Вектор действия этой силы становится понятен только после того, как будет задействован конкретный ритуал, результат которого определяется многочисленными условностями, находящими выражение в том числе и в языке.

Антагонизм понятий Добра и Зла в этом контексте определяется отличием мира сакрального от мира профанного: если в основе мира профанного лежат вещи, то мир сакрального состоит из чистой энергии, следствием чего является неопределенный характер полюсов чистого и нечистого. Энергия, т. е. сила (в нашем случае — мифическая, сказочная) может приносить добро или зло, служить на благо или приносить вред, и ориентация определяется не самой природой силы, а обстоятельствами, которые обуславливают ее действие в тот или иной момент. В результате «чистое» и «нечистое» «...оказываются в высшей степени подвижными, взаимозаменяемыми» [6, С. 164].

Объединяя в себе Добро и Зло, чистое и нечистое, священное и скверну, сакральное принимает общезначимую для людей ценность, становится *надбытийной* концепцией в национальном самосознании. М. М. Бахтин определяет «надбытие» как абсолютно новую форму существования бытия, появление которой обусловлено появлением сознания в мире («свидетеля и судии», по определению Бахтина) [3, С. 360]. Представ перед лицом вечного (сакрального), человек осознает его грандиозность, ощущая знакомое ему профанное бытие как крохотную часть непостижимого мира, наполненного опасностями и блаженством. По словам Р. Кайуа, человек словно стоит «на краю бездны», ощущая себя «захваченным всецело, без остатка» [6, С. 151]. Надбытийность сакрального выводит его за рамки понятий «истина» и «ложь», которые присущи только бытию познанному, превращает его в опасную, непонятную, но чрезвычайно притягательную энергию, способную как созидать, так и разрушать.

О. Пфлейдерер, рассматривая сущность религии, употребляет понятие «Бог» в смысле сверхъестественной силы, господствующей над миром. Эта сила связывает разнообразные виды бытия с целым, отдельного человека — с социальной группой и природной средой и своей властью упорядочивает это целое, занимая высшее место. При этом, осознавая неизмеримое превосходство этой силы, человек чувствует себя абсолютно зависимым, безусловно подчиненным, связанным с ней своим существом и всеми стремлениями [12, С. 110–111].

Сакральное как энергия существует в религиозном сознании независимо от человека — эту энергию невозможно изменить или раздробить, она целостна и неделима. Единственным образом взаимодействия человека с энергией сакрального остаются попытки «уловить ее и употребить в своих интересах, в то же время защищаясь от риска, связанного с использованием столь непокорной силы» [6, С. 154]. Такое представление перекликается с понятием абсолютной и относительной свободы у М. М. Бахтина: в его понимании, сознание обладает абсолютной свободой в отношении к познанию себя (превращаясь в «надчеловека») и только относительной — в том, что касается изменения бытия. Относительная свобода остается в бытии и меняет не его смысл, а только состав [3, С. 361].

Сравнивая профанное и сакральное, М. Элиаде именно последнее именуется «объективной реальностью» [14, С. 64], недвусмысленно ставя сакральное над профанным. Закрепленное в архаическом сознании представление о реальности как силе, действительности и долговечности обуславливает закрепление позиции «реального» именно за сакральным, т. к. «только сакральное есть в абсолютном смысле, оно действует эффективно, творит и придает вещам долговечность» [14, С. 30]. В таком ракурсе сакральное наделяется онтологическим преимуществом относительно профанного.

Таким образом, *надбытийность* сакрального определяет, с одной стороны, его господствующее положение относительно профанного, его упорядочивающую, гармонизирующую роль, а с другой — характер взаимоотношений между сакральным и человеком, в которых человек не способен каким-либо образом изменить суть сакрального.

В народных волшебных сказках наиболее ярко надбытийный характер сакрального наблюдается в описании леса. Концепт лес сам по себе занимает особое место в национальной концептосфере практически любого народа (с учетом географических особенностей). Он одновременно выступает и в роли прибежища духов, демонов и загадочных зверей, и в роли места аскезы и священного отшельничества [8, с. 235]. Согласно словарю символов, «лесные страхи, столь часто встречающиеся в детских сказках, символизируют опасные аспекты бессознательного, т. е. тенденцию к пожиранию или сокрытию разума» [7, С. 289].

В сказочном нарративе лес играет важную роль в организации пространства сказки. Многие фольклористы рассматривают лес как локус, однако нам более близка позиция А. Х. Гольденберга, который разграничивает локус и топос, опираясь на дифференциацию реального и идеального, конкретного и архетипичного. В его представлении локус — это «некое ограниченное пространство художественного текста, имеющее референтную соотнесенность с действительностью», а топос — обобщенное место разворачивания определенных смыслов» [4].

Некоторые филологи проводят параллель между понятиями «топос» и «концепт» (см., например, работы Г. Г. Хазагеров), предлагая изучать топосы в логике «сферы», т. е. некоего общего поля взаимозависимых сущностей [13]. Таким образом, в народной волшебной сказке лес выступает не в роли отдельно стоящего концепта, но выполняет важнейшую смысло- и структурообразующую функцию, которую мы более подробно рассмотрим далее на примерах из русских, немецких и английских сказок.

В первую очередь лес в сказках играет роль границы между реальным и нереальным, своим и чужим пространством. В. Я. Пропп определял художественную функцию леса в сказочном повествовании следующим

образом: «Лес в сказке вообще играет роль задерживающей преграды. Лес, в который попадает герой, непроницаем. Это своего рода сеть, улавливающая пришельцев» [11, С. 45]. Лес — это не столько отдельная зона сказочного повествования, сколько промежуточное пространство, своеобразная «нейтральная зона», которая в равной степени опасна как для самого героя, так и для его противников. Такая равновероятная опасность леса для всех участников сказочного действия как нельзя более точно соответствует надъбытийному характеру сакрального, которое не делает различий между людьми как таковыми, а реагирует исключительно на совершаемые ими поступки (ритуализированные действия).

Так, например, одним из обязательных условий успешного прохождения через лес является выполнение определенных правил: это может быть проявление милосердия, эмпатии или храбрости либо соблюдение норм своеобразного этикета.

Во всех сказочных сюжетах в образе леса сохраняется оттенок опасности для героя. На вербальном уровне эта опасность выражается многочисленными эпитетами: *темный, дремучий, dunkler, wilder, thick, great* и т. д. Лес в сказке всегда наполнен тайнами и чудесами, которые могут быть как добрыми (герой встречает в лесу магических существ, которые становятся его помощниками, во время бегства героя лес задерживает преследующего его врага и т. д.), так и злыми (нередко именно в лесу героя подстерегает временная смерть, после которой следует воскрешение).

При этом герой, успешно преодолевая испытания в лесу, получает награду: магический предмет, волшебного помощника, особые знания и др. Испытания в лесу всегда связаны с проявлением моральных качеств: отрицательные персонажи, не способные проявить доброту, милосердие, эмпатию и прочие душевные качества, неотвратимо проваливаются и получают заслуженное наказание. Более того, даже сам главный герой сказки может не пройти испытание с первого раза: так сказка показывает развитие героя как личности.

Проиллюстрируем сказанное примерами из русской, немецкой и английской сказок.

Огляделся царевич кругом, увидал тропинку и пошел по ней: авось куда бог приведет. Шел-шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. «Дай зайду», — подумал царевич и вошел в избушку. «Здравствуй, царевич! — молвила баба-яга. — Дело пытаешь или от дела лытаешь?» — «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет [2, С. 121].

Попав в жилище бабы-яги, герой произносит ритуальную фразу, которая срабатывает как ключ к благожелательному отношению магического существа. Подобные фразы довольно часто встречаются в народных волшебных сказках и проистекают из заговорных текстов, которые естественным образом вплелись в первые варианты народных сказок и затем потеряли исключительно магическую направленность, однако сохранили цель обращения к сакральному. Подобный формульный характер в целом характерен для вербализации сакрального в народных волшебных сказках, что выражается не только в словах персонажей, но также в традиционных сказочных формулах.

Sie kam in einen großen wilden Wald, da setzte sie sich auf ihre Knie und betete zu Gott, und der Engel des Herrn erschien ihr und führte sie zu einem kleinen Haus, daran war ein Schildchen mit den Worten 'hier wohnt ein jeder frei' [15, С. 208].

Оказавшись в лесу, героиня обращается с молитвой к Господу, который посылает ей помощника (в данном случае его можно назвать волшебным, несмотря на кажущееся несоответствие религиозной наполненности ситуации). Героиня проявляет такое немаловажное качество, как набожность, за что незамедлительно получает вознаграждение. Можно сказать, что в подобных ситуациях тесно переплетается сразу несколько концептов, образующих концептуальное поле САКРАЛЬНОЕ в народной волшебной сказке: лес одновременно как опасная среда и место обращения к сакральному, божественное как часть надъбытийного сакрального и испытание как необходимое условие получения помощи от сакрального (в данном случае испытывается вера героини).

At last he came to an old house, near a great forest, and there was an old man sitting out by the door, and his look was enough to frighten you or anyone else; and the old man said to him:

'Good morning, my king's son.'

'Good morning to you, old gentleman,' was the young prince's answer; frightened out of his wits though he was, he didn't like to give in [16, С. 128].

На первый взгляд, этот пример из английской сказки противоречит изложенному в статье, ведь дом старика расположен не в самом лесу, а рядом с ним. Однако описание старика указывает на то, что он принадлежит не миру профанного, а именно миру сакрального, на границе которого и находится лес: старик выглядит так, что может «вселить страх в кого угодно». Герой заговаривает со стариком учтиво, но твердо, не выдавая свой испуг, и в дальнейшем старик помогает ему советом. Здесь снова реализуется концепт испытание, однако в этом случае герой должен продемонстрировать такое свое качество, как храбрость.

Во всех проанализированных нами примерах лес сам по себе не является активным участником действия, однако именно пребывание в лесу дает герою возможность получить необходимую помощь (от бабы-яги, Бога или старика).

Заключение

Концептуальное поле САКРАЛЬНОЕ, представляющее собой концентрически-иерархическое объединение нескольких метакоцептов, проявляет в народной волшебной сказке признаки сакрального как феномена. Одним из таких признаков является *надъбытийность*, которая наиболее ярко репрезентируется в ситуациях, связанных с лесом.

Лес как граница между «своим» и «чужим» пространством занимает нейтральное положение в сказочном повествовании: он с одинаковой вероятностью может стать для героя как источником помощи, так и угрозой. В лесу герой может встретить как враждебно настроенных волшебных существ, так и помощников (либо изначально расположенных к герою, либо решающих отплатить ему добром за добро). Чтобы заручиться помощью волшебных существ, герой должен показать свои лучшие качества. При этом лес всегда сохраняет оттенок опасности, выражая непостижимый характер сакрального.

На вербальном уровне репрезентацию концепта лес можно охарактеризовать несколькими основными особенностями:

- ритуализированность действий героя, выражающаяся в различных формулах;
- наличие эпитетов со значением «пугающий», «подавляющий».

На концептуальном уровне отчетливо прослеживается связь концепта лес с такими концептами в составе концептуального поля САКРАЛЬНОЕ в народной волшебной сказке, как вера и испытание.

Выделенные нами особенности наблюдаются в русско-, немецко- и английскоязычном сказочных дискурсах, что позволяет сделать вывод об их универсальном характере для народной волшебной сказки.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–68.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах / А.Н. Афанасьев, Л.Г. Бараг, Ю.А. Новиков. – Москва : Наука, 1984. – Т. 2. – 338 с.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
4. Гольденберг А.Х. Локус дома в мифопоэтике Гоголя / А.Х. Гольденберг. – URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1400/> (дата обращения: 23.05.2022).
5. Забияко А.П. Сакральное / А.П. Забияко // Новая философская энциклопедия. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9015/САКРАЛЬНОЕ (дата обращения: 15.08.2021).
6. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
7. Керлот Х.Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
8. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х ч. / гл. ред. С. А. Токарев. – Большая Российская Энциклопедия, 2000. – Т. 2. – 419 с.
9. Островская К.З. Концептуальное поле «САКРАЛЬНОЕ» в сказочном дискурсе как отражение наивной картины мира / К.З. Островская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – №8 (121). – С. 121–126.
10. Пименова М.В. Этногерменевтика наивной языковой картины внутреннего мира / М.В. Пименова. – Кемерово, 1999. – 262 с.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1986. – 370 с.
12. Пфлейдерер О. Религия и религии / О. Пфлейдерер // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Под общ. ред. А.Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – 432 с.
13. Хазагеров Г.Г. Топос vs концепт / Г.Г. Хазагеров. – URL: <http://www.khazagerov.com/pragmatics/82-topos-vs-concept> (дата обращения 23.05.2022).
14. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде; пер. с фр. Н. К. Гарбовского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 144 с.
15. Grimms Märchen (Komplette Sammlung - 200+ Märchen) / J. und W. Grimm. – Hrsg. v. Oregon Publishing. – 2018. – 1164 S.
16. Jacobs J. More English Fairy Tales (Illustrated) / J. Jacobs. – Sagwan Press, 2015. – 280 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Apresjan Ju. D. Obraz cheloveka po dannym jazyka [The Image of a Person According to the Language] / Ju.D. Apresjan // Voprosy jazykoznanija [Questions of Linguistics]. – 1995. – №1. – P. 37–68. [in Russian]
2. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva v treh tomah [Russian Folk Tales from A.N. Afanasi'ev in Three Volumes] / A.N. Afanas'ev, L.G. Barag, Ju.A. Novikov. – Moscow : Nauka, 1984. – Vol. 2. – 338 p. [in Russian]
3. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерки po istoricheskoy pojetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics] / M.M. Bahtin // Voprosy literatury i jestetiki [Questions of Literature and Aesthetics]. – М.: Hudozh. lit., 1975. – 504 p. [in Russian]
4. Gol'denberg A.H. Lokus doma v mifopojetike Gogolja [Locus of the House in Gogol's Mythopoetics] / A.H. Gol'denberg. – URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1400/> (accessed: 23.05.2022). [in Russian]
5. Zabijako A. P. Sakral'noe [Sacred] / A.P. Zabijako // Novaja filosofskaja jenciklopedija [New Philosophical Encyclopedia]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9015/САКРАЛЬНОЕ (accessed 15.08.2021). [in Russian]

6. Caillois R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe [Myth and Man. Man and the Sacred] / R. Caillois; transl. by S. N. Zenkina . – M.: OGI, 2003. – 296 p. [in Russian]
7. Kerlot H.Je. Slovar' simvolov [Symbol Dictionary] / H.Je. Kerlot. – M.: REFL-book, 1994. – 608 p. [in Russian]
8. Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2-h ch. [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 parts] / Chief editor S. A. Tokarev]. – Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija, 2000. – Vol. 2. – 419 p. [in Russian]
9. Ostrovskaja K.Z. Konceptual'noe pole «SAKRAL'NOE» v skazochnom diskurse kak otrazhenie naivnoj kartiny mira [The Conceptual Field “THE SACRED” in the Fairy-Tale Discourse as a Reflection of the Naive World Picture] / K.Z. Ostrovskaja // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta [News of the Volgograd State Pedagogical University]. – 2017. – №8 (121). – P. 121–126. [in Russian]
10. Pimenova M.V. Jetnogermevenitika naivnoj jazykovej kartiny vnutrennego mira [Ethnohermeneutics of a Naive Linguistic Picture of the Inner World] / M.V. Pimenova. – Kemerovo, 1999. – 262 p. [in Russian]
11. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [The Historical Roots of a Fairy Tale] / V. Ja. Propp. – L.: Publishing house of the Leningrad University, 1986. – 370 p. [in Russian]
12. Pfljederer O. Religija i religii [Religion and religions] / O. Pfljederer // Mistika. Religija. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedenija. Antologija [Mystic. Religion. Science. Classics of World Religious Studies. Anthology] / Ed. by A. N. Krasnikov. – M.: Kanon+, 1998. – 432 p. [in Russian]
13. Hazagerov G.G. Topos vs koncept [Topoi vs concept] / G.G. Hazagerov – URL: <http://www.khazagerov.com/pragmatics/82-topos-vs-concept> (accessed 23.05.2022). [in Russian]
14. Eliade M. Svjashhenoe i mirskoe [Sacred and Profane] / M. Eliade; transl. by N. K. Garbovskiy]. – M.: Moscow University Publishing House, 1994. – 144 p. [in Russian]
15. Grimms Märchen (Komplette Sammlung - 200+ Märchen) [Grimm's Fairy Tales (Complete Collection - 200 + Fairy Tales)] / J. und W. Grimm. – Hrsg. v. Oregon Publishing. – 2018. – 1164 p. [in German]
16. Jacobs J. More English Fairy Tales (Illustrated) / J. Jacobs. – Sagwan Press, 2015. – 280 p.